

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1900.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРѢХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1901.

совмѣстности на одномъ рельефѣ двухъ или болѣе сценъ. Такъ думаетъ г. Грюнведель, который именно по поводу нашего рельефа № 2 высказался чрезвычайно опредѣленно въ двухъ превосходныхъ трудахъ своихъ ¹⁾: ... müssen wir uns entscheiden ... ob wir an die altindischen Folgescenen denken wollen, welche gestatten würden, dass zwei Darstellungen derselben Person auf derselben Platte vorkommen, was, soweit ich sehe, für Gāndhāra unerhört wäre. Gewöhnlich sind Folgescenen in dieser Schule durch Pfeiler getrennt. Ausserdem ist diese Auffassung in dem Relief dadurch ausgeschlossen, dass die in Frage stehenden Figuren in Gesichtstypus, Kleidung und Haltung zu verschieden sind». Мы позволимъ себѣ не согласиться съ многоуважаемымъ авторомъ, и кромѣ спорнаго даннаго рельефа, укажемъ на два другихъ, не оставляющихъ, на нашъ взглядъ, сомнѣнія въ томъ, что гандхарское искусство допускаетъ совмѣстность сценъ на одномъ рельефѣ.

Первое изображеніе: сцена рожденія Будды на рельефѣ изъ Logiān Tangai ²⁾. Здѣсь на *одномъ* рельефѣ *два* момента: 1) Будда выходитъ изъ бока матери, принимаемый на плать богомъ (Брахма или Индра); 2) Будда ступающій послѣ рожденія по землѣ (семь шаговъ).

Второе изображеніе: рядъ сценъ, намъ пока не совсѣмъ понятныхъ, на фризѣ ³⁾: здѣсь несомнѣнно нѣсколько сценъ, такъ какъ три раза изображенъ Будда, три раза сопровождаемый Vajrārāḍi.

Въ заключеніе не можемъ не выразить пожеланія, чтобы поскорѣе было издано возможно большее число памятниковъ гандхарскаго искусства, безъ чего изученіе его крайне затруднительно, вѣрнѣе, почти невозможно.

Сергѣй Ольденбургъ

Еще о самаркандскихъ оссуаріяхъ.

Въ январѣ этого года Н. И. Веселовскій сдѣлалъ докладъ «О находкѣ глиняныхъ гробовъ въ Самаркандѣ» (см. выше, стр. II—IV). Незначительная величина гробовъ не оставяла сомнѣнія въ томъ, что «гробы предназначались не для цѣлаго покойника, а лишь для костей»; поэтому докладчикъ предлагалъ называть такіа сооруженія костехранилищами (ossua-

1) A. Grünwedel Zur buddhistischen Ikonographie. Globus LXXV. № 11. (1899), p. 171. Id. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin. 1900. pp. 90—91. Д-ръ Грюнведель видѣлъ въ этихъ изображеніяхъ сцену съ nāga Elarātra, но, какъ мы знаемъ изъ письменнаго сообщенія, онъ теперь согласенъ съ предлагаемымъ выше толкованіемъ.

2) J. Burgess Gandhara sculptures. Some recent acquisitions. p. 75, fig. 4.

3) J. Burgess The ancient Monuments etc. pl. 149.

рѣш). Докладчикъ высказалъ мнѣніе, что тѣла покойниковъ клалась, какъ въ Персіи, на *дахмы*, гдѣ мясо трушова пожиралось птицами, а кости потомъ хоронились въ упомянутыхъ гробикахъ. Противъ такого предположенія высказались нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, но при этомъ не было обращено вниманія на то, что мы вообще не находимъ вполнѣ однообразнаго способа погребенія у различныхъ вѣтвей иранскаго племени; даже политическое объединеніе иранскаго міра подъ властью Ахеменидовъ не привело къ культурному единству.

Насколько восточные иранцы въ культурномъ отношеніи отличались отъ западныхъ, видно изъ словъ Страбона (lib. XI, cap. 11), что обычай согдійцевъ и бактрійцевъ въ древности (т. е., какъ видно изъ дальнѣйшаго, до Александра Великаго) мало отличался отъ обычаевъ кочевниковъ; нравы бактрійцевъ были сравнительно мягче, но и о нихъ историки Александра Великаго, Онесикритъ и другіе (*οἱ περὶ Ὀνείκριτον*), рассказывали, что они изнуренныхъ болѣзнями или старостью бросали еще живыми собакамъ, которыя содержались спеціально для этой цѣли; для обозначенія этихъ собакъ существовалъ особый туземный терминъ, имѣвшій на мѣстномъ языкѣ значеніе: «могильщикъ» (*ἐνταφιασταί*). Окрестности столицы бактрійцевъ были на видъ часты, но пространство внутри города большею частью было наполнено костями. Только Александръ Великій уничтожилъ этотъ обычай¹⁾. Трудно сказать, былъ ли у бактрійцевъ дѣйствительно тотъ варварскій обычай, о которомъ здѣсь говорится; во всякомъ случаѣ подробности разсказа заставляютъ думать, что тѣла умершихъ отдавались собакамъ и что кости не убирались вовсе. О другомъ варварскомъ народѣ, о каспійцахъ, говорится, что они предоставляли голодной смерти стариковъ, которымъ было свыше 70-ти лѣтъ, труны выносили въ пустыню и издали наблюдали за ними; если трупъ стаскивался съ носилокъ (*κλίτην*) птицами, то это считалось хорошимъ знакомъ, если звѣрями или собаками, то этимъ были менѣе довольны, если же никѣмъ, то это считалось несчастіемъ²⁾. О томъ, какой обрядъ погребенія прѣмѣнялся бактрійцами послѣ того, какъ древній ихъ обычай былъ уничтоженъ Александромъ, у Страбона не говорится; отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ, можетъ быть, слова Юстина (XLI, 3) о парянахъ: «Погребеніе у нихъ обыкновенно замѣняется растерзаніемъ труповъ птицами или собаками; голыя кости потомъ засыпаютъ землею» (*sepultura vulgo aut avium aut canum laniatus est; nuda demum ossa terra obruunt*).

Такимъ образомъ мы пока не имѣемъ основанія полагать, что въ

1) Strabo, ed. stereotyp. (Lipsiae 1819), II, 439 — 440.

2) Ibid. p. 445.

Средней Азии въ до-мусульманское время вообще воздвигались дахмы. Исходя изъ тѣхъ же основныхъ началъ, какъ и погребальные обряды персовъ, погребальные обряды въ восточной части иранскаго міра пережили самостоятельную эволюцію; какъ показываютъ извѣстія о бактрійцахъ и парянахъ, эта эволюція могла привести къ тому способу погребенія, о которомъ свидѣтельствуютъ найденные гробики. Повидимому, этотъ способъ представляетъ уже нѣкоторое дальнѣйшее развитіе по сравненію съ описаннымъ у Юстина парянекимъ обычаемъ. Слова «terra obruunt» скорѣе указываютъ на простое зарываніе костей въ землю, чѣмъ на погребеніе ихъ въ особыхъ гробикахъ, хотя Укертъ¹⁾ при передачѣ словъ Юстина счелъ возможнымъ употребить глаголь *bestatten* (хоронить). Кромѣ того приведенный мною, по поводу доклада Н. И. Веселовскаго, рассказъ Табари (II, 1694) и Нершахи (р. 60) объ убіеніи Бухарь-худата заставляетъ полагать, хотя и не говорить этого съ полной опредѣленностью, что въ Средней Азии въ VIII в. очищеніе костей отъ мяса уже не представлялось животнымъ, но производилось людьми съ помощью ножей или другихъ острыхъ орудій, немедленно послѣ наступленія смерти; на это особенно указываетъ глаголь *كشطوا عنه لحمه* въ словахъ Табари: *فكشطوا عنه لحمه*. Подобный обычай, насколько мнѣ извѣстно, упоминается только у одного изъ народовъ, можетъ быть, иранскаго происхожденія, именно у жившаго около Дербента народа *зирихгеранг*, т. е. «выдѣлыватели панцырей», потомками которыхъ считаютъ кубачей, живущихъ въ южной части Дагестана, въ Дербентскомъ уѣздѣ.

О прошломъ этого народа и о его обычаяхъ говорится въ статьяхъ Френа²⁾ и Дорна³⁾, напечатанныхъ въ академическомъ «Bulletin», и въ статьѣ гр. А. С. Уварова «Курганы съ разчлененіемъ близъ г. Дербента», помѣщенной въ Трудахъ V-го Археологическаго съѣзда въ Тифльсѣ (Москва 1887, приложенія, стр. 61—75); на послѣднюю статью уже обратилъ вниманіе г. Комаровъ, по поводу сообщенія Н. И. Веселовскаго. Изъ этихъ статей видно, что о зирихгеранахъ говорятъ многіе арабскіе писатели, начиная съ Безазури и Мас'уди, но что всѣ извѣстія о ихъ погребальныхъ обрядахъ восходятъ къ автору XII в., къ сожалѣнію довольно сомнительному, Абу-Хамиду ал-Андалуси или ал-Гарнати. Рассказъ этого писателя приведенъ на нѣмецкомъ языкѣ въ статьѣ Дорна и на русскомъ въ статьѣ

1) Ukert, *Geographie der Griechen und Römer, Zweiten Theiles zweite Abtheilung*, Weimar 1846, S. 592.

2) *Bulletin Scientifique*, t. IV, p. 33 — 45.

3) *Bulletin de l'Acad. Imp. des Sciences*, t. XVIII, p. 304 sq. = *Mélanges Asiatiques VI*, 700 sq.

гр. Уварова¹⁾, который въ этомъ случаѣ не называетъ своего источника, но несомнѣнно взялъ этотъ разсказъ у Дорна²⁾, на котораго ссылается въ другомъ мѣстѣ. Арабскій текстъ до сихъ поръ не былъ изданъ. Гр. Уваровъ неправильно понялъ слова Френа и потому ошибочно предположилъ, что о погребальныхъ обрядахъ зирихгерановъ говорить уже Мас'уди; на самомъ дѣлѣ эти извѣстія приводятся у Френа только со словъ Казвини, съ приложеніемъ арабскаго текста, и сводятся къ слѣдующему. Зирихгераны жили въ двухъ селеніяхъ, расположенныхъ на высокомъ холмѣ, выше Дербента; въ каждомъ изъ селеній было два большихъ подземныхъ помѣщенія, на подобіе погребовъ (سرادیب), одно для мужскихъ, другое для женскихъ труповъ; въ каждомъ изъ нихъ находились нѣсколько мужчинъ съ ножами (سكاكين); когда къ нимъ приносили трупы, они очищали ихъ отъ мяса и извлекали мозгъ изъ костей; кости собирались и сухими и чистыми клались въ мѣшокъ (کيس), именно кости богатыхъ — въ мѣшокъ изъ парчи (ديباغ), кости бѣдныхъ — въ мѣшокъ изъ небѣленой ткани (کيس خام, у ал-Гарнати اللحم السود); на мѣшкѣ писали имена умершаго и его родителей, время его рожденія и смерти, и вѣшали мѣшокъ въ томъ же помѣщеніи. Мясо мужскихъ труповъ относилось на холмъ, расположенный вѣд селенія, и отдавалось чернымъ воронамъ (الغربان السود); другихъ птицъ отгоняли отъ холма стрѣлами. Мясо женщинъ на другомъ холмѣ отдавалось коршунамъ (الحرارة), причемъ также отгонялись другія птицы.

Для этого разсказа Казвини разсказъ ал-Гарнати несомнѣнно является главнымъ, по всей вѣроятности, даже единственнымъ источникомъ.

Дорнъ отмѣчаетъ одинъ пунктъ разногласія между обоими разсказами: ал-Гарнати помѣщаетъ деревни зирихгерановъ «у подошвы высокой горы»³⁾, Казвини «на высокомъ холмѣ»⁴⁾. У Казвини есть нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ у ал-Гарнати; такъ ал-Гарнати говоритъ, что на мѣшкѣ

1) Труды V Арх. Съѣзда, прилож. стр. 78.

2) Что гр. Уваровъ переводилъ съ нѣмецкаго, особенно ясно видно изъ невѣрной передачи фразы Das ist aber eitel Zauberei (Mél. Asiat. VI, 703) посредствомъ «все это было только тщеславное колдовство».

3) Гора, по словамъ ал-Гарнати (не приведеннымъ у Дорна), находилась къ западу отъ Дербента, что соответствуетъ мѣстоположенію нынѣшнихъ ауловъ кубачей, какъ и слова Мас'уди (Prairies d'or, II, 40), что страна зирихгерановъ находилась по сосѣдству со страной кумыковъ (غمیک).

4) Другое разногласіе, отмѣченное Дорномъ (Mél. Asiat. VI, 701, п. 35), на самомъ дѣлѣ не существуетъ: и ал-Гарнати, и Казвини оба говорятъ, что для мужскихъ и женскихъ труповъ были особые помѣщенія, но что операція расчлененія труповъ въ обоихъ помѣщеніяхъ производилась мужчинами. Странныя слова нѣмецкаго перевода, будто птицы, кромѣ коршуновъ, отгонялись отъ женскихъ труповъ ножами, также не подтверждаются текстомъ, гдѣ ясно стоитъ بالنشاب (стрѣлами).

писали имя покойника, Казвини прибавляетъ, что писали также имена его родителей, время его рожденія и смерти. Ал-Гарнати не говоритъ также, что очищеніе костей отъ мяса производилось именно ножами и что мясо труповъ для отдачи птицамъ относилось на холмы. Но все это еще не даетъ права утверждать, что Казвини кромѣ ал-Гарнати пользовался еще другими источниками, такъ какъ изъ приведеннаго въ статьѣ Дорна описанія рукописи Азіатскаго Музея и сравненія ея съ другими рукописями¹⁾ видно, что всѣ дошедшіе до насъ экземпляры сочиненія ал-Гарнати являются только сокращенными редакціями этого труда, тогда какъ въ рукахъ Казвини могъ находиться полный экземпляръ.

Археологическія находки пока не вполне подтверждаютъ рассказъ ал-Гарнати; судя по курганамъ, описаннымъ въ статьѣ гр. Уварова, кости не хранились въ мѣшкахъ, а погребались въ особо устроенныхъ гробницахъ, причѣмъ клались на камни. Ал-Гарнати, повидимому, самъ не былъ въ странѣ зирихгерановъ, а только слышалъ рассказы о нихъ въ Дербентѣ. Остается надѣяться, что мы когда-нибудь получимъ возможность проверить рассказъ ал-Гарнати на основаніи болѣе достовѣрныхъ источниковъ и получимъ также болѣе подробныя извѣстія о погребальныхъ обрядахъ среднеазиатскихъ арийцевъ, чѣмъ слова Табаря и Нершахи.

Пока, кромѣ словъ этихъ историковъ, можно привести только извѣстіе китайской «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ»²⁾, перешедшее также въ «Исторію дин. Суй»³⁾: здѣсь о царствѣ Ши, т. е. о Ташкентѣ, говорится, что въ опредѣленные дни ставили на престолъ золотую урну съ пепломъ костей покойныхъ родителей владѣтеля, потомъ обходили вокругъ престола, разсыпая пахучіе цвѣты и разные плоды. По этимъ словамъ, по крайней мѣрѣ въ русскомъ переводѣ, можно заключить, что въ Ташкентѣ въ то время былъ обычай сожженія труповъ; возможно, что мы имѣемъ здѣсь ошибку со стороны китайскаго автора или русскаго переводчика, но возможно также, что обряды погребенія мѣстныхъ тюркскихъ владѣтелей отличались отъ обрядовъ, господствовавшихъ среди туземнаго арийскаго населенія⁴⁾.

1) *Mémoires Asiatiques*, VI, 675 — 677, 685 — 688.

2) Иакинъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, III, 184.

3) *Ibid.* III, 197.

4) О тюркскомъ погребеніи см. *ibid.* I, 269 — 270; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 59 — 60.

Приложение.

Текстъ Абу-Хамида ал-Андалуси по рукописи Аз. Муз. 593^a.

(f. 145a) وذكر ان بالغرب من دربند جبل عظيم وفي اسفله قريتان فيها امة يقال لها زرية كازان [زريةكاران 1]. معناه صنّاع الدروع يتخذون جميع آلات الحرب من الدروع والجواشن والحود والسيوف والرماع والقسى والنشاب والخناجر وانواع آلات النحاس جميع نسامهم واولادهم وعبيدهم وجواريرهم يتخذون هذه الصناعة كلها وليس لهم حرث ولا زرع ولا بساتين وهم اكثر الناس خيرا ومالا وتقصدهم جميع الناس بجميع النعم من جميع الآفاق وليس لهم دين ولا يعطون جزية. واذا مات لهم ميت ان كان رجلا سلموه للرجال في بيوت تحت الارض (f. 145b) يقطعون اعضاء الميت وينقون عظامه من اللحم والملح ويجمعون لحمه ناحية فيطعمونه للغربان السود ويقفون بالقسى والنشاب بمنعون الحديان من لحمه وغيرهم من الطير وان كانت امراة سلموها لرجال اخرين تحت الارض يخرجون لحمها عن عظامها ويطعمونه للحديان دون ساير الطير ويقفون بالنشاب ومنعون غيرهم ان يدنوا من لحمها ولقد قلت للامير عبد الله ابن ابي بكر الحج .

...وما ذلك الا سحر منهم الرجال الذين يخرجون عظام الموتى ويجعلون عظامهم في اكياس الاغنيا والسادة اكياسهم من الديباج (f. 146a) والذهب والعبيد والجواري في اكياس الخام ويعلقونها في البيوت ويكتبون على كل كيس اسم صاحب ذلك العظم وهذا عجب عظيم

V. Бартольдъ.

Кое-что о Баба-Тахиръ Гольшгъ.

Весьма пзвѣстный въ Персїи Баба-Тахиръ Гольшгъ, творецъ народомъ очень любимыхъ и часто издаваемыхъ четверостишій, въ европейской литературѣ сталъ впервыя пзвѣстенъ въ 1885 году, благодаря статьѣ Cl. Huart'a «Les quatrains de Bâbâ Tâhir 'Uryân», помѣщенной на страницахъ Journal Asiatique (Huitième série, VI, 502 — 545)¹⁾.

Ученый издатель, интересовавшійся четверостишиями Баба-Тахира только съ чисто филологической точки зрѣнія, не позаботился собрать су-

1) Ср. мои «Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій», I, стр. IV и V.